

— Ой, как страшно, я просто в ужасе.

Слова Чжань Пинчуаня так и сквозили притворством. Пока язык изображал смирение, руки вели себя крайне дерзко: Альфа слегка оттянул воротник Ланса и, прикинув к тёплой коже в ложбинке ключицы, оставил там мимолётный поцелуй.

— Раз уж я не буду больше так рисковать, — пробормотал он жалобно, — можно мне хотя бы немного твоей успокаивающей информационной эссенции?

Ланс глубоко вздохнул. Место, которого коснулись губы Пинчуаня, отозвалось лёгким зудом; и хотя поцелуй не оставил следа, его присутствие ощущалось кожей невероятно отчётливо.

— Хули-ган, — негромко проворчал Ланс.

Однако он лишь крепче обхватил Альфу за шею, стараясь при этом не задеть израненную спину, и выпустил немного информационной эссенции с ароматом звёздной магнолии.

Уровень их совместимости был запредельно высок, поэтому эффект наступил мгновенно. На самом деле Пинчуаню не требовалось успокоение — он был хладнокровен, его раны затягивались, а в объятиях находился благоухающий красавец. Но он вовремя сообразил: демонстрация слабости — лучший способ выторговать себе привилегии.

Чжань Пинчуань нежно поглаживал Ланса по спине, перебирая пальцами пряди его рыжих волос.

«Я рискну ещё только раз, — пообещал он себе. — Вот добуду сведения с третьего подземного уровня, и тогда буду слушаться тебя во всём»

Будучи ключевым участником «Общества Чёрного Фонаря», Ланс, пожалуй, впервые использовал слово «хулиган» по отношению к кому-то настолько всерьёз. И он действительно слишком многое прощал этому «мерзавцу».

В воздухе разлился сладковатый аромат звёздной магнолии. Дыхание обоих стало тяжёлым и прерывистым; поза, в которой они замерли, была крайне двусмысленной: одно неловкое движение, и ситуация грозила окончательно выйти из-под контроля. К счастью, оба помнили о деле и не позволили страсти взять верх над рассудком.

Ланс положил подбородок на плечо Чжань Пинчуаня, вдыхая смесь собственного аромата и горько-кислой мази.

— Как выглядит карцер? — спросил он нарочито небрежным тоном.

Альфа, до этого прикрывший глаза от удовольствия, чуть приоткрыл веки. Рука, ласкавшая спину Омеги, на мгновение замерла.

— Любопытствуешь?

— Угу, — Ланс едва заметно кивнул, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

Собеседник сосредоточенно припомнил детали:

— На самом деле там не так уж и страшно. На потолке даже есть лампа, правда, её выключают, когда запирают дверь. Но в стене есть небольшое отверстие размером с ладонь, через которое проникает свет из коридора, так что там не крошечная тьма.

Поскольку его старый друг был заперт в таком же карцере на седьмом этаже, Пинчуань, оказавшись внутри, внимательно изучил обстановку.

Ланс нахмурился. Справедливости ради, условия в карцере «Синего Центра» казались слишком мягкими для их суровых порядков.

— Что ещё? Расскажи подробнее: площадь, планировка, камеры.

— Комната примерно тридцать квадратных метров, — начал перечислять он. — Простая односпальная кровать в юго-восточном углу, напротив неё, под углом, висит камера, направленная прямо на спальное место. Справа от кровати стоит письменный стол из орехового дерева, прямо над ним — то самое вентиляционное отверстие. Перед столом стул со спинкой, он тоже просматривается. Планировка строго прямоугольная: три метра в ширину, восемь в длину, никаких слепых зон.

— Простая структура, удобная для наблюдения, — подытожил Ланс. — Но там действительно меньше тридцати метров?

Чжань Пинчуань дважды легонько похлопал его по спине.

— Дослушай. В глубине есть санузел, довольно просторный и хорошо оборудованный. Там отдельные зоны для душа и туалета, у стены стоит даже ванна. В ванной тоже есть вентиляционное окно размером с ладонь, оно выходит на экологическую зону тропического леса. Я там всё тщательно осмотрел — камер в санузле нет.

Услышав об отсутствии камер в ванной, Ланс почувствовал, как сердце ёкнуло. Это была та самая лазейка, которую он искал.

— Получается, кроме главной двери, в комнату можно попасть через вентиляцию?

Альфа усмехнулся:

— Бесплезно. Внутри камер нет, но снаружи ими всё утыкано. Если только ты не обладаешь способностью к невидимости.

— Нужно ещё выяснить, нет ли в санузле скрытой редкой свинцовой руды, — задумчиво произнес Ланс. — Если она там запрятана, любые способности окажутся пшиком.

К счастью, то, что он отправил внутрь, не нуждалось в способностях для действий.

— Я не почувствовал присутствия руды, — ответил Чжань Пинчуань. — Вообще, судя по всему, когда это здание только строили, руководство относилось к подчинённым довольно лояльно. Эти карцеры — скорее дань формальности, чем реальное наказание.

Разумеется, Ланс беспокоился не об обычном карцере. Он боялся, что в комнате Оливера установлена защита из редкой свинцовой руды, которая могла не только подавлять S-ранговую силу Оливера, но и пресекать любые попытки стороннего вмешательства.

— Верно, два вентиляционных отверстия — это очень предусмотрительно. Строители, видимо, боялись, что воздух в камере станет слишком затхлым и влажным.

— Влажным? — эта мысль заставила Пинчуаня насторожиться.

Ланс поднял голову, заглядывая ему в глаза:

— Что-то не так?

— Да нет, просто подумал, что у нас в Городе Пустыни понятия не имеют о том, что такое «влажность», — он коснулся затылка Ланса, снова прижимая его голову к своему плечу.

В Столичном городе царил субтропический муссонный климат с высокой влажностью, что разительно отличало его от засушливой пустыни. Для обеспечения стабильной работы оборудования и сохранности архивных данных третий подземный уровень просто обязан был иметь совершенную систему контроля температуры и влажности. А для такой огромной территории требовалось множество вентиляционных шахт.

Чжань Пинчуань давно обдумывал план. У него было современное снаряжение, но надеяться на то, что вирус сможет парализовать все системы седьмого района на целые сутки, было безумием. Всё, на что он мог рассчитывать — это скрыть собственную информационную эссенцию, найти документы о Сы Хунсуй до того, как его обнаружат, и попытаться уйти

живым.

Если побег удастся, «Синему Центру» придётся обыскивать всю запретную зону, чтобы найти того, кто проник на третий уровень. Но это будет напоминать поиски призрака — без прямых улик доказать что-либо невозможно. Однако полагаться только на скорость реакции седьмого района было слишком рискованно. Малейшая ошибка — и он окажется в ловушке, как крыса.

Поэтому он мучительно искал другой выход. Есть ли у третьего подземного уровня иные выходы, кроме главных дверей, требующих сканирования радужки? Если поиски затянутся или системы безопасности заметят аномалию раньше срока, сможет ли он уйти через другие каналы?

Система принудительной вентиляции могла стать тем самым шансом. Если этот путь окажется проходимым, ему даже не придётся рисковать, копируя радужку начальника первого района!

Ни один из них не заметил, что их диалог звучит слишком профессионально для простых стажёров. Обычный человек, попав в карцер, не станет дотошно изучать расположение камер. И обычный Омега, беспокоясь о своём Альфе, не будет рассуждать о том, как использовать лазейки в системе безопасности тюрьмы. Но подобные разговоры были для них настолько привычными, что не вызвали у пары ни тени подозрения.

— Тебе нужно ещё? — спросил Ланс.

Он уже довольно долго выпускал эссенцию, и аромат в комнате стал слишком плотным. Запах мог просочиться за дверь, а в общежитии стажёров со звуко- и запахоизоляцией дела обстояли не лучшим образом.

Пинчуань пришёл в себя. Ему стало немного неловко перед Лансом: его «лисёнок» прождал его в коридоре бог весть сколько времени, потом лечил раны и теперь тратил силы на успокаивающую эссенцию. Как мог порядочный Альфа требовать большего?

— Пожалуй, хватит. Дай только разок поцеловать в железо, и я буду как новенький, — бесстыдно заявил Чжань Пинчуань.

Временная метка была подобна изысканному деликатесу: стоило попробовать однажды, и остановиться было невозможно. Это общая черта всех Альф: единожды заявив права, они стремились закрепить их навсегда. Видеть своего Омегу без собственного запаха было для них невыносимой мукой.

Ланс промолчал. Он предложил лишь из вежливости, не ожидая, что этот «идиот» воспользуется моментом и потребует ещё больше.

Они долго смотрели друг в друга, словно состязаясь: победит ли рассудок Ланса или наглая

уверенность Пинчуаня. В конце концов, Ланс сдался. С покрасневшими кончиками ушей он вцепился в плечи Альфы и процедил сквозь зубы:

— Только целовать. Не вздумай кусать.

Разгуливать по второму району с явной временной меткой — всё равно что написать у себя на лбу: «У меня была бурная ночь». Пинчуань понимал, что пользуется моментом, но не ожидал, что Ланс действительно уступит. Умилённый видом его пылающих ушей, он решил продолжить игру:

— Будь паинькой, радость моя, откройся сам. Мне больно спиной шевелить.

— Ты... — Ланс стиснул зубы, едва сдерживая желание самому укунить Альфу за вибрирующее от смеха горло.

Поколебавшись от смущения, он всё же медленно собрал свои рыжие волосы и перебросил их на одну сторону, обнажая белоснежную кожу в районе железы.

Судя по его многолетним наблюдениям, Ведьма Снов частенько заставляла своих любовников-Омег проявлять инициативу. Видимо, так и должны строиться отношения между Альфой и Омегой: активность последнего была вполне естественной.

Чжань Пинчуань едва не сорвался в период восприимчивости от этого зрелища. Пот, который уже успел высохнуть под кондиционером, снова выступил на коже, заставляя раны саднить. Вид этого невинного и в то же время невероятно соблазнительного существа был просто невыносим.

— Откуда в тебе столько покорности? — выдохнул он, припадая к белой шее Ланса.

Альфа не стеснялся в ласках, чередуя трение и глубокие поцелуи. К счастью для Ланса, именно Пинчуань «умыкнул» его; попади он в руки к кому-то другому, Чжань Пинчуань наверняка превратился бы в одного из тех преступников, что не считаются ни с какими законами.

***

В карцере на седьмом этаже Оливер лежал на кровати. Дыхание его было ровным, следы побоев на теле полностью исчезли, но он так и не пришёл в сознание.

Сы Хунчэ не отдыхал уже более суток. Он даже не нашёл времени, чтобы навестить могилу Суйсуй. Потирая переносицу и глядя на мир покрасневшими от усталости глазами, он с трудом сдерживал ярость:

— Что происходит?! Почему он не приходит в себя?

Целитель поспешил объяснить:

— Начальник Сы, в этот раз ситуация была критической. Сломанные рёбра, внутреннее кровотечение... и всё это на фоне... кхм, непрекращающегося стресса. Физические травмы мы устранили, но его разум заперт в воспоминаниях о боли. Он просто не может проснуться.

За окном окончательно стемнело. Бледный и измождённый Оливер больше походил на труп, и Сы Хунчэ не был уверен, действительно ли тот спасён.

— И ты не можешь исцелить разум? — жёстко потребовал он.

Целитель покорно опустил голову:

— Господин начальник, боюсь, это не под силу даже Чу Фу, величайшей целительнице Федерации.

Человеческие способности — это не божественная магия, у них есть предел. Если бы можно было по щелчку пальцев менять чужую волю и сознание, где бы тогда проходила грань между личностью и куклой?

Начальник района Сы нетерпеливо взмахнул рукой:

— Вон отсюда!

Целитель подхватил свою промокшую куртку, но у самой двери помедлил. Он не удержался от совета:

— Господин начальник, вокруг полно молодых и прекрасных Омег, которые сочтут за честь скрасить ваш досуг. Зачем вам эта увядшая трава? Позвольте ему просто... уйти своей дорогой.

Этот пробуждённый не подчинялся второму району напрямую, а учитывая редкость целителей, он мог позволить себе долю искренности в разговоре с Сы Хунчэ. Лицо начальника мгновенно потемнело. Он одарил наглеца ледяным, зловещим взглядом:

— Не лезь не в своё дело.

Целитель почувствовал, как по спине пробежал холодок. Неопишемое давление мешало дышать. S-ранг есть S-ранг: раздавить его для Сы Хунчэ было так же легко, как прихлопнуть муравья. Бледный как полотно, целитель торопливо закивал и пулей выскочил из карцера.

Сы Хунчэ снова посмотрел на исхудавшего Оливера. Тот действительно утратил былое величие, даже характер его стал иным. Как и сказал тот целитель, при нынешнем статусе Сы Хунчэ мог получить любого юного красавца, любой любовник был готов на всё ради его внимания.

Но он никогда об этом не думал. Никто и никогда не сможет заменить того, кто разделил с ним самые горькие и самые прекрасные мгновения жизни. Ничья судьба не переплетена с его собственной так глубоко. С того дня, как он встретил Оливера, другие люди для него просто перестали существовать.

Сы Хунчэ до боли сжал челюсти, глаза его налились кровью. Он протянул руку к шее Омеги, но пальцы замерли, едва коснувшись пульсирующей артерии.

— Только скажи мне, где Уриэль, и я...

Начальник района Сы поймал себя на том, что в день смерти Суйсуй он готов проявить слабость по отношению к Оливеру. Взгляд его тут же похолодел. Он оборвал фразу на полуслове, убрал руку и резко развернулся.

Тяжёлая дверь карцера захлопнулась с глухим стуком, погрузив комнату, пропитанную запахом исцеляющей эссенции, в полную темноту.

Оливер медленно открыл глаза. Он долго и безучастно смотрел в тёмный потолок, прежде чем его губы дрогнули в безжизненном шёпоте:

— Я... не знаю.

Физические раны зажили, но душа ныла от невыносимой боли, лишая сил пошевелиться. Казалось, разум всё ещё заперт в том кошмаре, что творился днём, и не может вырваться. Он действительно не знал, где Уриэль. Он повторял это бесчисленное количество раз под ударами плети и во время издевательств — кричал, плакал, умолял, доходил до иступления.

Но Сы Хунчэ не верил.

Как не верил и в то, что перед тем, как отпустить Уриэля, Оливер вонзил лиану в его сердце, применив свою способность первого порядка — «Вопрошание к сердцу». И получил ответ: нет. Уриэль не убивал Сы Хунсуй.

Но правда, которую чувствовал только он один, не могла служить доказательством. К тому же он не мог опровергнуть те безупречные улики, что были на руках у Федерального правительства. Когда-то он отчаянно жаждал, чтобы Сы Хунчэ поверил ему, но всё оказалось тщетно. Вспоминая годы своих унижительных мольб о доверии, Оливер чувствовал лишь горечь. Это было так же нелепо, как тот момент, когда он, едва покинув стены тюрьмы для смертников особого режима AGW, бросился в объятия Сы Хунчэ, ища защиты.

Он был глуп. Потребовались годы страданий, чтобы он наконец прозрел. Ему больше не нужны были ни доверие, ни жалость. Тот человек, чье имя он когда-то высек на своем сердце, давно перестал существовать.

Оливер закрыл глаза. Его жизнь была сумбурной, нелепой, постыдной и жалкой — падение в бездну, из которой нет возврата. В итоге он стал похож на увядший цветок, не заслуживающий даже упоминания.

Вокруг царил тишина. Даже ночной ветерок не мог пробиться сквозь узкую щель вентиляции.

Однако в этот самый момент крошечный жучок с белесым панцирем и двумя длинными усиками тихо выбрался из щели в контейнере с едой. Прижимаясь к стене и шевеля усиками, чтобы сориентироваться, он неспешно пополз в сторону кровати. Прошло немало времени, прежде чем он добрался до цели. Немного передохнув, малютка юркнула в рукав Оливера. Прodelав путь под тканью от запястья до груди, насекомое выбралось у воротника и замерло рядом с горячей железой Омеги.

Там не было так мягко, как у хозяина — кожа здесь казалась совсем сухой и тонкой.

<http://bllate.org/book/15867/1443706>